

13 коп.

PC
Я96
1728729

БИБЛИОТЕКА
ИЗБРАННОЙ
ЛИРИКИ

АЛЕКСАНДР
ЯШИН

БИБЛИОТЕКА
ИЗБРАННОЙ
ЛИРИКИ

**АЛЕКСАНДР
ЯШИН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». МОСКВА 1972

Р2
Я96

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**А. ДЕМЕНТЬЕВ, Ю. ДРУНИНА,
ВАД. КУЗНЕЦОВ, С. НАРОВЧА-
ТОВ, В. ОСИПОВ, Б. РУЧЬЕВ,
Я. СМЕЛЯКОВ, Н. ТИХОНОВ,
ВАС. ФЕДОРОВ**

Составитель В. С. ФОГЕЛЬСОН

7.4-2
328-72

ОБ АВТОРЕ

Чаще всего, если поэту по земной человеческой мерке пятьдесят лет, кривая его творческого полета выравнивается, переходит на парение по прямой или даже на медленное снижение. Высшие точки где-то там, в двадцати-тридцатилетнем возрасте, а потом «наступает страшнейшая из амортизаций, амортизация тела и души».

Я не знаю другого примера, кроме примера Александра Яшина, когда поэзия, ее проникновенность и пронзительность, золотая чистота ее тона нарастали бы по такой неукоснительной крутизне до самого последнего часа. Смерть сбила ее буквально влет.

Речь идет не только о поэтическом мастерстве. Стихи писать Александр Яшин умел всегда, еще и до войны — в Литературном институте, и во время войны — на разных ее фронтах, в морской балтийской пехоте, в блокадном Ленинграде, а после войны среди полей родной Вологодчины.

Речь идет о нарастании зрелости, о нарастании поэзии как таковой, о нарастании гражданственности, прямоты, мужества, правды, боли, тревоги, совести, света и доброты.

Крестьянский сын Александр Яшин сам сформировал себя как личность, собственным трудом и волей, с полной мерой ответственности за тот необыкновенный талант, обладателем которого он оказался. Он хотел быть нужным людям, видел в этом свой долг, свою обязанность поэта. Знаменитая строка Яшина — «Спешите делать добрые дела!» — была не просто стихотворной строкой или призывом, но сутью его отношения к миру.

Охотник и рыболов, пахарь и поэт, он прежде всего Человек с большой буквы, влюбленный в землю, в ее красоту, но ненавидящий, однако, все злое и жестокое, фальшивое, несправедливое, кажущееся, мешающее миру быть воистину прекрасным и светлым.

Он любил землю и жизнь активной, а не потребительской любовью. И когда обрушилась на него болезнь, он просил у профессоров не просто спасти его для того, чтобы еще пожить, но вымалывал три месяца жизни, чтобы закончить начатую работу.

Перелистывая эту книжечку, составленную из стихов Яшина разных лет, еще раз убеждаемся, какого большого и светлого поэта потеряла стечественная поэзия.

В л а д и м и р С О Л О У Х И Н

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.
Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденье за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в доме.
Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.
Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
Оживу.

1943

НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ?.

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косоногого,
В старый slopeц изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночного?
Скоро ли буду в родном доме —
Издали встретят четыре березы, —
Скоро ли мать и сестру обниму

И обмахну их горькие слезы?
Всех увидеть,
Обо всем расспросить,
Полею пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?..
Не разучился ль ходить за плугом?..

1944

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.
Дом отцовский — как он был высок.
А теперь смотрю —
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.
Кто из нас тянул тяжельше воз?
Кто больней скрипит от непогоды?
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:

Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду,
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба —
Я гутешный,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело —
Были мы молоды
Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской лестницей.
В крошке-сторожке,
В сарае ли — помните?
Нам-то казалось:
В отдельной комнате.
Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде —
Все-таки счастливы.
Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.
Как чудесами,
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.
Окна в узорах,
Кровли с подкрылками,
Охлупни в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.
Мы колеи бутили
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.
И терпеливы были,
И сметливы,
Неприхотливы,
Непривередливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.
Не на «Победах»
И «Волгах» — где уж там! —
На велосипедах
Катали девушек.
И у Матрешек
Вместо сережек
Серпы и молоты,
А вместо брошек
Значки наколоты:
Ценилось не золото —
Мы были молоды!
Что нам мохнатые
Бобры да пыжики? —
Гордились ребята
Буденовкой рыженькой.
Не было крова
Под флагом

Сутяге.
Честное слово
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах, до чего же
Глупы и молоды!

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,

Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —

День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже — бабушка, бабка,
а для меня все — мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
а для тебя все — парнишка.
Что знаешь ты о моей жизни?
Жалеешь меня

иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
так почему плачешь,
когда я домой возвращаюсь?
Ничего из меня, мама, не вышло,
и мудрость с годами не прибывает,
душа по-прежнему не на месте,
и в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.
Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
а не бсльная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить дроги,
а летом сани,
и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!
Ведь нет все равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.
Не будет тебя — куда я поеду? —
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
когда прихожу я к тебе за советом?

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Я сочиняю стихи про желтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?
Я подбираю старательно
слово к слову:

«Речка — овечка — местечка...
дорогу — логу...»

А сенокосы
по речке Козловке
снова

Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу.
Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озерам осоку серпами жали,
Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...

А заливные луга
кругом
стоят, как стояли.

Меня мужики называют
своим поэтом.

«Как же так?»,
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!
Я сочиняю стихи
Про желтые листья...

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу, —
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.
Жизнь при всех ее изменениях,

Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.
Не вещун
И не старый с виду я,
Так же в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.
Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.
Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я? —
не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало, —
я плачу.

Над книгой правдивой
плачу.
Над горем людским
плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу —
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу:
Надо бежать
В северную тайгу,
В зеленую благодать —
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
 шуршит листва,
Слышу:
 сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе иней звон.
Слышу собачий лай —
С трех,
 с четырех сторон:
Начался гон!

Вся душа дрожит,
Больше не могу:
Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:
Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:

И птицы не так поют,
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маета и мечта,
Мои святые места!

* * *

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.
Попробуйте в роще уединиться,
Укрыться под хвойный густой наряд
Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
Предубежденность на время откинув, —
И в сердце не будет места гордыне,
Вас трепет и робость охватят вдруг.
Достойно ль царя природы

делить

Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?
Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,

Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей, и проще,
И человечней хочется быть.
Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой.
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.
Небогаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.
Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.
Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.
Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой.
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.
А он спокойно свой покинул камень,

Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быгь может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не горжествовал.

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес,
И все лесом
Да лесом;
Где в затонах озер
Лебединые крепь,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;
Где ветров ералаш,
Да суметы по пояс,

И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс,

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках
Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случалось,
Не можем.
Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.
Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени,
И кони.
Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...

Но моим землякам
Любы эти широты.
Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

* * *

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утехи ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят:
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе — о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чем не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

МИЛОЕ МОЕ ГОРЕ

Вытянулась семья —
Дочери и сыновья.
Верилось:
С ними
Стану сильнее я.

Стал не сильнее я —
Еще ранимей,
Еще уязвимей.
Думалось:
Что ни год,
Мне будет легче,
Доля моих забот
Ляжет на их плечи.
Но годы идут, идут —
Покоя не знаю:
То в техникум,
То в институт
Сам поступаю.
Опять зачеты сдаю,
Дрожу понемножку.
Перелицовываю свою
Ношеную одежду.
Историю с дней Петра
Зубрю снова:
История —
Стара,
Пособия —
Новы.
Не труд — глагол проспрягать.
Трудней и серьезней
Заново перемотать
Опасный возраст.
Я как в огне, на войне.
А чем озабочен?
Дочь влюблена,
А мне
Не спать ночи.
Что за дружки у сынка?
Не было б худа.

Письма пришли — откуда?
Сразу три дневника —
Только ль причуда?
Странно, что в век машин,
Атомных бомбовозов
Для них не решен ни один
Из роковых вопросов.
Юноша, стиснув рот,
Заново определяет:
Ради чего живет?
Из-за кого страдает?
Что такое любовь?
Где обитает совесть?
И все
Не в глаз, так в бровь,
В самую душу то есть.

Дочери и сыновья —
Милое мое горе,
Вечная мука моя!
Какое уж там подспорье...

За редкий часок без забот —
Страшнее всех суеверий,
Страшнее, чем эшафот,
Вечно в душе живет —
Вечно!
Из года в год! —
Страх потери.

Вдруг да опять война —
Что будет с ними?
Теперь у меня она
Все отнимет.

ОТХОДНАЯ

О как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатым клином жизнь лежит у ног.
Мне никогда земля не будет пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

Не завершил ни одного пути.
Как незаметно наступила осень!
Летит листва.
Куда уж там летит —
Ее по свету шалый ветер носит.

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь все реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
А долги все те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О как мне трудно будет умирать!
И никаких
 нельзя
 извлечь уроков...

* * *

Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблести, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.

Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Хочется исповедаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, все, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Смуга сердешная
Невмоготу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.

Будто на медкомиссии,
Гол — не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне,
Душа нага.

Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь.

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии:
— Годен! —
Запишут мне.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

...Дописать или оборвать —
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.
По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день —
Горю на огне.

Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней!
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва,
Поседела моя голова.

Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог,
И сколько б теперь ни прожил —
Ничто для дубленой кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке —
Через поля.
Дресвы не боюсь на тропке...
Все лишние электроток
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,
Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым.

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

ОСНОВНЫЕ КНИГИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

(Библиографическая справка)

Избранное. М., Гослитиздат, 1954.

Совесть. Лирические записи. М., «Советский писатель», 1961.

Годы жизни. Избранные стихотворения. М., Гослитиздат, 1961.

Босиком по земле. Стихи. М., «Советский писатель», 1965.

День творенья. Новая книга стихотворений. М., «Советский писатель», 1968.

Бессонница. Лирика. М., «Советская Россия», 1968.

Избранные стихотворения, Вологда, Северо-Западное книжное издательство, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе. <i>В. Солоухин</i>	3
«Назови меня именем светлым...»	5
Не разучился ль ходить за плугом?..	5
Чистый бор	6
Земной поклон	6
Мы были молоды	8
Переходный возраст	10
Спешите делать добрые дела	11
С матерью наедине	12
Желтые листья	13
По своей орбите	14
Счастлив ли я?	15
О моей святине	16
«Не верю, что звери не говорят...»	18
Покормите птиц	19
Люблю все живое	20
Орел	20
Запасаемся светом	21
«И я обманывал...»	23
Милое мое горе	23
Отходная	26
«Я обречен на подвиг...»	27
Перед исповедью	28
Последняя глава	29
Добру откроется сердце	30
Основные книги Александра Яшина	31

Яшин Александр Яковлевич

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1972.
32с. («Б-чка избранной лирики»).

Р2

Редактор *Вад. Кузнецов*

Художник *Ю. Архангельский*

Худож. редактор *Н. Коробейников*

Техн. редактор *Г. Каплан*

Корректоры: *З. Харитонова, Г. Трибунская*

Сдано в набор 16/11 1972 г. Подписано к печати 26/VI 1972 г. А0122.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 1 (усл. 1,4). Уч.-изд. л. 1,2.
Тираж 50 000 экз. Цена 13 коп. Т. П. 1972 г., № 328. Заказ 156.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30,
Сушчевская, 21.

